

ЗАЧЕМ?

Людмила Бержанская

18+

Людмила Бержанская

Зачем?

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бержанская Л.

Зачем? / Л. Бержанская — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга “Зачем? – это мысли о войне, о боли, о верности, о любви, о страданиях и разлуках... Мои беседы с папой не вымышленные. Иногда я меняла место и время. Но только не суть. Пыталась не менять имена. И только некоторым историям любви придавала литературную привлекательность. Людмила Бержанская

Посвящаю моему папе и всем, кого обожгла война. Погибшим и выжившим. Тем, кого называли победителями, и у кого в глазах и душах застыл вопрос: **ЗАЧЕМ?**

Мама, я очень долго думал, как дедушка победил Гитлера. И придумал. Он тихонько подкрался сзади – и как дал ему по попе.

Из разговора с пятилетним сыном.

Папа, почему такое мужское дело как война женского рода?

Если б мы знали, за что страдаем, если бы знали, что вырастает на почве наших страданий!

1

– Папа, я уезжаю в Париж.

Молчание.

– Па, ты не услышал?

Молчание.

– Ты обиделся?

– Да.

– Ну почему?

- Потому.
- Па, ты как ребенок, честное слово.
- Нет, это ты как безответственный, не уважающий меня ребенок.
- Почему?
- Решение приняла вчера?
- Нет.
- Документы оформила вчера?
- Нет.
- А как насчет того, чтобы рассказать об этом?
- О чем?
- О том, что решила поехать в Париж.
- Я, вообще-то, с этого начала разговор.
- Когда ты приняла это решение?
- Давно.
- Что такое давно?
- Десять лет назад.
- Я не об этом.
- А о чем?
- Ты пошла в турфирму, оформляла документы, тебе открывали визу в посольстве Франции. Сколько это заняло времени?
- Месяц.
- Опять молчание.
- Па, ты обиделся, что я не рассказала о начале этой эпопеи месяц назад?
- Зачем держала в тайне?
- Да, не в тайне!
- А как?
- Боялась, что не получится, что в посольстве придерутся к документам, что желающих поехать окажется больше, чем мест в автобусе.
- Ты боялась поделиться с отцом радостью?
- Я, вообще, никому ничего не говорила.
- Никому–никому?
- Ну, почти никому.
- В слово “почти” входит хотя бы пару человек?
- Входит.
- Кроме меня.

Папа сидел такой расстроенный. Мне казалось, что я понимала его. Ведь пенсия – это не радость. Это ограниченные человеческие связи, ограниченная информация. Как бы ты ни был любознателен и коммуникабелен. Тем более, не просто пенсия, а очень редкие пешеходные прогулки по единственной улице, вдоль дома.

Папа продолжал писать научные статьи, и некоторые из них публиковали. Главное – он работал. Он был интересен себе и другим. Ему звонили знакомые, делились своими проблемами и решали по телефону проблемы страны. Часто в очень жарком споре. Но в первую очередь, каждого из них волновали близкие: жены, дети, внуки, правнуки. Их заботы, их болезни, их проблемы, их удачи и неудачи.

Думаю, что больше всего хотелось быть в курсе всех дел. Но, увы... Никто, и я в том числе, не рассказывал все. Скорее, почти ничего не рассказывал. Видимо, не было потребности. Ведь делимся своими проблемами тогда, когда надеемся на взаимопонимание. У разных поколений, к сожалению, с этим сложновато. Даже если они самые близкие. Ближе не бывает.

Когда папа был молодой, а я маленькой, – он для меня опора, надежда, путеводитель в жизни. Сейчас все изменилось, я не очень молодая, а папа старенький и немощный. Видимо, в любви детей и родителей очень важен возрастной фактор. Меняются акценты любви и ответственности. Теперь ответственность за любимого папу лежит на мне. Когда произошел этот переход – не помню. Может быть, после того как у него случился первый инфаркт.

Вот и сейчас, как объяснить, что у меня часто нет желания ни с кем, ни о чем говорить. А тем более, советоваться. Я уже взрослая девочка. Мне за 50. Все, что “за”, не хочется ни произносить, ни думать.

Просто не хочется говорить. Ни с кем.

– Папа, но ведь ты сам не любишь делиться о том, что на душе.

– Перестань. Я не о душевных муках и сомнениях.

– А о чем? О чем могла рассказать месяц назад? О том, что есть желание, есть надежда, но нет никакой уверенности.

Молчание

– Па, что я не так сделала? Чем тебя огорчила?

– Не огорчила, а обидела.

– Господи, чем?

– Не доверием.

– Ты бы слово помягче выбрал.

– Найди другое.

– Да не хочу я ничего искать! Пришла, рассказала, думала: будешь рад – вот те на.

– Так чего месяц молчала? Боялась, что сглазят?

– Боялась.

– Я?! Это я?! Ну, доченька, ты даешь! У меня нет слов!

– Каких? Возмущения или радости?

– Молодец. Умеешь вовремя все обрезать.

– А что мне остается делать?

– Не знаю...

Я так надеялась, что он будет рад. Увы... Не все поняла. А жаль. Но ведь знаю: все равно рад. А обида ненадолго. Это от одиночества.

2

– Доченька, ты уже наметила ежедневный план экскурсий?

– Его наметили без меня.

– Кто?

– Турфирма.

– Это обязательное условие?

– Нет. Во-первых, будет свободное время. Во-вторых, от любой предложенной экскурсии я могу отказаться.

– Жалко. Они ведь оплачены.

– Не все. Оплачены обзорные. А за остальные – за свой счет.

– Сколько обзорных?

– Две.

– Какие?

– Я не вдавалась в подробности. Знаю, что каждая по 3-4 часа автобусом и пешком. Знаю, что весь центр Парижа: Лувр, Эйфелева башня, Марсово поле, Елисейские поля, Гранд-Опера, Собор Инвалидов, Мулен-Руж, Вандомская площадь, Монмартр.

– Вы увидите Париж с высоты Эйфелевой башни?

- Да. Только за отдельную плату.
- А Версаль?
- Тоже нужно будет заплатить отдельно.
- А кладбище Пер-Лашез?
- Возможно.
- Почему возможно?
- В программе есть, но разрешаются некоторые изменения.
- И Пер-Лашез может оказаться вне сферы вашего внимания?
- Может.
- Жаль. Сколько же там похоронено судеб!
- По-моему, это относится к любому кладбищу.
- Нет-нет. Там, на Парижских кладбищах похоронена судьба России!
- Па, зачем так вычурно?
- Это не вычурно – это правда. Ни одна страна с такой легкостью не выбрасывала за свои границы самых достойных.
- Среди эмигрантов всяких хватало.
- Понимаешь, я о другом. Не о человеческих достоинствах и недостатках. Я о том, что мы так и не поняли, насколько многие из них нужны были стране.
- Мне кажется, в нашей стране достойные люди вообще ни-че-го не решают.
- Интересно, а в других ...?
- Молчание.
- У тебя будет свободное время?
- Я постараюсь объять необъятное. Очень хочу в Фонтенбло.
- Посмотреть, что вдохновляло импрессионистов?
- Да. В общем, и дворец Наполеона нелишне.
- Это далеко от Парижа?
- Километров 30.
- Но будет хоть один свободный вечер?
- Думаю, да. А что?
- Может, ты встретишься с семьей Заура?
- Я не против, но не представляю: как?
- Просто позвоню ему. Расскажу, что будешь в Париже.
- А ты уверен, что его это заинтересует?
- Да.
- Почему?
- Ездил один мой сотрудник. Понимаешь, совсем чужой человек.
- Он заходил в гости к жене Заура?
- Боже, ты разве не знаешь, что Франсуаза умерла?
- Нет. Когда?
- Два года назад. Он звонил и просто рыдал в трубку.
- Какая странная жизнь. Какие непонятные человеческие чувства. Ведь они всю жизнь прожили врозь. Правда, у них не было поводов для разочарований.
- Не понял?
- Понимаешь, чем больше отдаешь в любви, тем большее разочарование.
- Ты считаешь это единственным вариантом?
- А разве есть другие?
- Не думал.
- А зря.
- Чего зря?

Я промолчала. Видимо, в папе заговорила старческая наивность или старческий романтизм. А какой был красавец, умница, воспитанный, аккуратный, образованный и обаятельный. Правильно было написано на кольце царя Соломона: все проходит. Правда, на обратной стороне того же кольца еще грустнее: и это пройдет.

– Но жена есть жена, – сказал папа с пафосом.

– Брось. Это фантазии на тему жены.

Ну, почему мы не говорим никогда о простых житейских делах, о простых человеческих потребностях? Невероятно тяжело молодым мужчинам и молодым женщинам друг без друга. Без жарких тел, страстно и нежно прижатых друг к другу. Ведь не секрет, что за немецкими частями ехали публичные дома. А у нас в навязывании жесточайшей морали, была черствость и равнодушие к тем, кто на фронте и к тем, кто работал в тылу. За что осуждали женщин, истосковавшихся по ласке? Что делать молодому мужчине без женского тела?

Все папа знает без меня. К чему говорить об этом вслух. Я промолчала.

– Доченька, не нужно так жестко.

– Я не жестко, я грустно.

История нашего, то есть моего и папиного, знакомства с Зауром была, с одной стороны, тривиальной, с другой – как будто бы предначертанной.

Прошло четырнадцать лет после окончания войны. 1959 год. Я поехала с папой в Ленинград. Он много уделял внимания моему воспитанию.

Однажды под вечер очень уставшие мы не шли, а брели по Невскому в поисках кафе. Просто, поужинать. На старом доме висела большая вывеска “Баррикады”. Двери открыты. Лето. Стоят столики, за ними сидят и едят люди.

Ну вот, наконец, мы сели, и дали отдых уставшим ногам. Еще не успела подойти официантка, как красивый восточный мужчина подошел и попросил разрешения сесть за наш столик. Все остальные были заняты. Пока ждали заказ, пока не спеша, ужинали, начался, как обычно бывает, разговор ни о чем, который плавно перешел на тему детей, семей и работы.

Так произошло знакомство с Зауром Мамедовым. Не помню его национальности. Знаю только, что уроженец Кавказа. Видимо, в этот вечер ему было особенно грустно и одиноко. А может быть, папа, его ровесник и тоже фронтовик, и я, почти ровесница его младшей дочери, вызвали в нем обострение этих чувств.

На каком-то этапе разговора он начал свой долгий, очень откровенный и очень горький монолог.

В июне сорок первого сдал последний экзамен в школе. Молодость полна планов. Хотя осуществление их было для него очень проблематично, так как папа, директор школы, и мама-учительница еще с 1939 года отбывали срок в лагере, где-то в Сибири. А может, уже и не отбывали. Он так ничего и не узнал о них. Практически безграмотные бабушка с дедушкой и тетя с дядей безропотно растили его. Что ожидало впереди сына врагов народа? Сегодня мы все уже знаем. Но это сегодня. И то не все. То есть, почти ничего. А тогда, во второй половине июня, началась паника. Всех забирали на фронт. Всех – это мужчин, начиная с 18 лет. Заур – красивый, высокий 17-летний мальчик, обманув всех, кого только можно было обмануть, покинул с мужчинами городок. А может, те, кого он обманывал, не возражали быть обманутыми? Он молодой кавказский мужчина уехал защищать Родину, уехал навсегда. Он считал, что обязан защитить свое государство, руководители которого, ничего не объясняя, оставили его сиротой. Зачем?

17-летний кавказский мальчик Заур Мамедов не знал, что первая задача государства – защищать граждан. Он шел защищать это государство, хотя уже тогда было понятно, что оно перед ним не имело никаких обязательств. Вряд ли понимал: за что шел воевать. За свободу, демократию, равенство, сытость, перспективы? Да он и слов таких не знал. Не имел представ-

ления о содержании каждого из них. Не знал, как, впрочем, почти все, что война не только не решает накопившиеся проблемы, но создает еще большее количество проблем.

Это был общенародный патриотический порыв. И он ему поддался. Это дело мужской чести? Это его долг перед страной? А какой долг был у страны перед ним? Перед всем народом? В чем он выражался? Как государство покаялось потом, как объяснило свою вину перед изнасилованными девочками, растерзанными детьми, убитыми стариками, преданными партизанами? Ни до войны, ни после так никто и не узнал, как должно быть устроено справедливое общество, ответственное перед жителями страны. И как жители должны относиться к тем, кто олицетворяет государство.

Если бы не бабушка с дедушкой, у Заура была прямая дорога в детский дом для детей врагов народа, после которого ни о каком образовании не могло быть и речи. А ведь любовь к рисованию у него проявлялась с детства.

Ко дню нашего знакомства он – такой красавец, умница, интеллигент был абсолютно одинок. Мама с папой не вернулись. Все попытки узнать об их судьбе хоть что-нибудь сводились к бесполезным отпискам или оставались без ответа. Их даже не реабилитировали. Во всяком случае, нигде в архивах не было такой маленькой, серенькой, скромненькой бумажечки о чете Мамедовых.

Немцы вроде бы Кавказ не оккупировали, но в конце войны оказалось, что бабушка с дедушкой и тетя с дядей то ли погибли, то ли умерли от голода. За что?

Я не помню всех подробностей, как он попал в плен, как бежал, как оказался на территории Франции и как попал в дом врача в провинциальном французском городке. Все это Заур рассказал нам в первый же вечер в кафе “Баррикады” на Невском.

У врача была дочь. А дальше – все, как должно было быть. Молоденькая француженка и красивый кавказский мальчик. Они поженились, они обвенчались. Не знаю, как могла католичка обвенчаться с мусульманином. Но Заур не раз говорил, что они обвенчаны. А может, он был христианином?

Родились две девочки. Закончилась война. Хотелось побывать дома. Узнать о маме с папой, о бабушке с дедушкой. Показать жене свою страну. Но на границе Западного и Восточного Берлина его силой оторвали от родных девочек. Они – на Запад, он – на Восток.

К моменту нашей встречи он ничего не знал о них. За это время закончил Ленинградский строительный институт, стал архитектором. И оставался один. Далеко-далеко во Франции жила жена с дочками. А он – в стране-победительнице. Он жил в стране, которая гордилась своей победой, и которая, к сожалению, сделала из нее только один вывод: ничего не забылось, и ничему не научились.

Но что эта победа дала ему и таким как он? Ведь тысячи советских солдат оставили, совсем не по своей вине, в Европе любимых женщин и детей. **ЗАЧЕМ?** По чьей воле они всю жизнь, до конца своих дней, несли в душе неосуществимую надежду на встречу с теми, кого так любили. Потому что первые чувства, первая женщина, первая жена, первый ребенок – это самое важное, самое главное, самое незабываемое. Война забрала у них это. **ЗАЧЕМ?**

Кому от этих разлук стало лучше? Наверно, каждый из них еще долгие годы задавал себе простой вопрос: долго ли еще на Земле будут несправедливость, ненависть, алчность и зависть? Но ответ на него короток и жесток – всегда.

Потом, через много лет, Заур в разговоре с папой высказал странную и страшную мысль: после войны оказалось, что люди, прошедшие ее, разучились любить Родину. Может быть потому, что путь к осуществленной победе был так долог, так тяжел, так беспощаден, так невыносим, что конец этого пути давно уже можно было назвать поражением.

Он был молод. Ему нужна, необходима рядом любимая женщина: ее тело, ее глаза, ее руки, ее кожа, ее губы. Потому, что живому очень плохо жить без живого, без любимого и

самого нужного рядом. Он не жаловался – он просто изредка говорил об одиночестве и бесперспективности. А жизнь шла.

3

- Па, разве Франсуаза жила в Париже?
- Да.
- А дочки?
- Не помню. По-моему, где-то недалеко от Парижа.
- Она так и не вышла замуж?
- Нет
- Мне жаль, что Заур больше не создал семью.
- Он не всегда был одинок.
- Понятно. Живой человек. Да еще такой красавец.
- Жаль его. Хороший, умный, порядочный мужик.
- А почему он больше не женился?
- Но ведь у него был официальный брак с Франсуазой. Значит, надо было договориться с ней письменно или устно о разводе.
- Как всякий мужчина боялся такого разговора?
- Наверно. Но с другой стороны, надеялся вернуться к ней. Он хотел с ней жить.
- Ой-ой. С мечтами и надеждами нужно быть осторожными.
- Не понял.
- Американцы говорят: будьте осторожны с мечтами – они могут сбыться.
- Как это ни грустно, но американцы правы.
- Они встретились, как чужие люди?
- Нет. Сначала, когда он нашел ее, созвонился. Любовь возобновлялась по телефону где-то год.
- А потом?
- А потом уехал к ней.
- И что? Разочарование?
- Нет. Он не показывал тебе ее фотографию?
- Показывал. Маленькая, худенькая, никакая девочка.
- Это, видимо, военная фотография.
- Наверно.
- У него на столе в доме стоит портрет Франсуазы в очень красивой рамке.
- Откуда ты знаешь?
- Помнишь, лет пять назад он ехал на Кавказ и заезжал на один день ко мне?
- Помню.
- Вот тогда и показывал много, много фотографий.
- И девочек?
- Конечно. Только уже очень взрослых женщин.
- Сколько же Франсуазе лет на фотографии?
- Лет сорок.
- Ну, и как выглядела сорокалетняя парижанка?
- Очень хорошо.
- Что такое очень?
- Элегантная, миниатюрная, славная женщина.
- Когда так говорят, подразумевают: не красавица.

– Не ехидничай. Подразумевают – это больше, чем красивая. Понимаешь, в словосочетании “красивая женщина” есть легкий шелест пустоты.

– Ух ты, какой защитник привлекательных парижанок!

– А как же!

– Она работала?

– Конечно. Девочек ведь растила одна.

– Родители ей не помогали? Во Франции это не принято?

– Я не знаю, что принято во Франции. Думаю, как везде: в каждой семье по-своему. Но мне кажется, ее отец рано умер.

– Как же она вышла из такого сложного положения после войны в разоренной Европе?

– Господи, неужели ты не помнишь?

– А что я должна помнить?

– Как только Заур нашел Франсуазу, сразу звонил мне.

– Помню.

– Через несколько месяцев такой счастливый приезжал к нам на два дня.

– Знаю, что приезжал. Но меня тогда не было дома, и я его не видела.

– Мы пили тогда с ним замечательный дагестанский коньяк “Рось” или “Русь”. Он привез столько мандаринов, – вспомнил папа мечтательно, – в те времена в нашей стране это была роскошь.

– Давай вернемся к Франсуазе.

– Во-первых, Заур уехал из Франции не в 1945 году, а где-то в самом конце сороковых. Так что, он работал и содержал семью. Да и девочки к этому времени были уже не крошками. Старшая, по-моему, пошла в школу.

– Кстати, а как их зовут?

– Разве ты не знаешь?

– Честно говоря, не помню.

– Старшую – Мадлен, а младшую – Сара.

– Старшая – француженка, а младшая – восточная женщина?

– Самое смешное, что когда они выросли, так и оказалось.

– Сара больше похожа на Заура?

– Одно лицо.

– Красавица?

– Как тебе сказать.

– Понятно. Ну, хоть французский шарм есть?

– Конечно.

– Так кем работала Франсуаза?

– Врачом.

– Вот как?

– Ты разве не знала?

– Наверно, забыла.

– А почему Заур вернулся в Ленинград?

– В Париже не было работы.

– Вообще никакой?

– По специальности. Ты же знаешь, что он очень хороший архитектор.

– Знаю. Мне помнится, что проектировал какие-то станции метро в Ленинграде.

– Совершенно верно. А теперь представь: кем работать там?

– Архитектором.

– Видимо, своих хватает.

– В эту касту просто так не пробьешься.

- Так же как и у нас.
- Франсуаза – врач, а он – в магазине.
- Во-первых, смотря кем, во-вторых, мне кажется, в Европе на это смотрят не так строго.
- Думаю, мы ошибаемся.
- Может, все проще. В Ленинграде у него прекрасное социальное положение. Он знает себе цену, как профессионал. Имеет не квартиру, а апартаменты.
- Уже дом.
- Тем более. А в Париже – квартира жены.
- Съемная.
- Даже так?
- Даже так.
- Общество жены. Практически, чужие дети. Кстати, как девочки к нему относятся?
- Хорошо. Франсуаза воспитала их так: отец – советский солдат-победитель, которым нужно гордиться.
- Гордятся?
- Не знаю. Но относятся очень тепло.
- Папа, если тепло, уже чудесно. Ведь они все-таки выросли без него. Иногда тепло чужих людей теплее, чем любовь близких, – сказала я, а сама подумала: давно известно, что очень любящие и заботливые родители часто оказываются ненужными взрослым детям. Одни говорят, что дети – наши самые требовательные критики. Другие – чем дольше мы живем вместе, тем лучше знаем недостатки друг друга, которые, чего греха таить, раздражают. А если мама с папой заняты больше собой и работой, если между ними и детьми есть расстояние, которое называется эгоизмом, то это расстояние не дает повода для непривлекательной информации. Вот тут-то и включаются фантазии на тему любви к родителям. Чем больше расстояние, тем больше фантазий. Боже мой, как ищут мам и пап, которых никогда не видели.

4

- Па, ты опять пишешь статью?
- Я начал писать воспоминания.
- О чем?
- О жизни.
- С детства по сегодняшний день?
- Нет. Воспоминания о войне.
- Воспоминания или раздумья?
- И то, и другое. Размышления о том, что победа оказалась горькой, а поражение – не таким уж унижительным.

**Из письма папы к сестре Зине.
Москва. 15.01.42 год.**

.... Мне пришлось видеть выжженные деревни. Я был свидетелем пожара, которого никогда не забуду. Горела огромная деревня, подожженная со всех концов. Когда мы вошли в деревню, оставшиеся жители (женщины и дети) вылезли из подвалов и со слезами рассказывали о хозяйничании представителей “высшей расы”. Но слов не нужно было. Деревня, которая представляла собой огромный костер, была лучшим подтверждением и лучшим рассказчиком о только что минувшем.

Ты, Зина, не представляешь себе, что такое современная война плюс с немцами. Я говорю: плюс с немцами – потому что это не люди.....

– Ты, доченька, даже представить себе не можешь степень этой горечи. Ради чего больше 50 миллионов трупов? Это же территория огромной страны, уложенная телами голова к голове, ноги к ногам. Всех возрастов: от младенцев до дряхлых, девочки и паскудницы, донжуаны и импотенты, гениальные и тупоумные, удачливые и бездарные. Один к одному на сотни, сотни квадратных километров. Их не трудились считать. Но посчитать, мне кажется, можно. Из среднестатистического размера тела. Господи, кого там только нет! Французы и русские, немцы и англичане, американцы и поляки, украинцы и датчане, чехи и казахи, румыны и белорусы, итальянцы, греки – кто еще? Зачем они умерли? Что дала миру их смерть? Зачем человеку нужна смерть себе подобного? Зачем погибло столько миллионов? Еще нарожают? От кого? Сколько женихов погибло!

Папочка как-то опустил голову и замолчал. О чем он думал? Может, о том, во что выльется планете Земля массовое убийство Разума? Интересно, сколько людей погибло во время всемирного потопа? Мне кажется, меньше. Природа, похоже, гуманней людей.

Я не мешала. Я понимала: говорит он о том, что болит до сих пор.

Не знаю, сколько длилось молчание. Пять, десять, двадцать минут – какая разница. Он не молчал. Он молча страдал. В воспоминаниях, в гневе, в боли, в тоске, в безнадежности.

– Понимаешь, остались одни мальчики.

– А ты? А твои сокурсники по университету?

– Да, что ты! Их по пальцам можно было посчитать. Но были еще и те, кто уехал в эвакуацию, кто остался в оккупации, те, кто руководил этим позором. Да, да, позором. Я говорю о тех, кто до войны, во время войны и после нее говорил и говорит: вы всегда и во всем будете зависеть от нас.

– Каким позором?

– Победой.

– Ну, и словечко ты подобрал.

– Дело, доченька, не в слове. Если путь к победе устлан миллионами трупов, рекой крови, неизвестно какой длины и ширины, то разве это дорога победы? Зачем нужны были трупы детей и женщин? Чью победу эти курганы из мертвецов приближали? Нашу? Фашистов? А если бы они остались живы? Тогда бы наша страна не победила? Зачем был нужен парализующий ужас? Чем он коснулся наших руководителей?

– Па, но в войнах вообще всегда погибает много мирных жителей.

– Я помню крик матери, потерявшей на войне сына. Я помню, что кричала эта обезумевшая женщина.

– Что?

– Она кричала правду.

– Какую?

– Ужасную. Для чего простые женщины рожают сыновей: для войны и работы. Мясо для войны и рабов для работы. Она кричала, она призывала всех женщин Земли не рожать сыновей, чтобы не бросать в пожар войны.

– Она так и кричала?

– Так и кричала: не рожайте детей!

.....

Л.С. Бержанский,
Москва, 17.03.1942 г.

Л.С. Бержанский, апрель 1975 г.

Прошло так много лет после моего путешествия по Польше. Но до сих пор в душе ужас Освенцима. Перед глазами огромные витрины: в одной – волосы, в другой – очки, в третьей – детская обувь. **ЗАЧЕМ?** Для чего это делалось? Зачем собиралось? Где можно использовать поломанные очки и стоптанную обувь? Почему не уничтожали вместе с несчастными? Что этим людям доставляло в жизни удовольствие? Чему они радовались? Какой представляли

свою дальнейшую жизнь? Хотели ли они детей? Какой представляли их будущую жизнь? Говорят, есть психология убийцы. Но ведь никто не знает, что для человека естественней: состояние агрессии или состояние благодушия.

Помню фотографии тех, кто работал там. Меня потрясло лицо Эльзы Кох. Я никогда не видела таких лиц. У нее нет возраста, у нее нет выражения лица. Нет ни красоты, ни отвращения. Ни-че-го. Но главное – глаза: их нет. То есть, они физически присутствуют, они не слепые, они глядят, но ничего не видят. Не представляла, что бывают люди, у которых нет души. Это видно на фотографии – ее нет. Она не страшная, не ужасная, не отвратительная, не жестокая – ее просто нет! Кто их растил? Кто их воспитывал? Для какой жизни? **ЗАЧЕМ?** А может, их парализовал ужас за собственную жизнь? Что должно произойти с человеком, чтобы он спокойно вталкивал в печь живую беременную женщину? Для чего становиться врачом? Чтобы стерилизовать женщин без наркоза? Зачем губить в лагерях миллионы? Для скачка развития медицины? Чтобы спасти столько же миллионов? Может, логический ход мыслей гуманней? Даже если он дольше. Где эта грань? Может, после таких экспериментов газовые камеры были простым избавлением? И люди не зря не сопротивлялись? Что нужно делать с ребенком, чтобы он вырос ТАКИМ?

Никакие красоты Кракова и Варшавы, ни музыка тонкого Шопена не могли долгие годы заглушить в моей памяти и душе пережитый там ужас.

.....

- Чего ты замолчала?
- Вспомнила некоторые свои путешествия.
- Куда?
- Вообще-то, все путешествия в прошлое, – ответила я уклончиво.
- Может, в книге о войне стоит упомянуть о справедливости?
- Не знаю. Разве слова “война” и “справедливость” совместимы?
- Понимаешь, слова “жизнь” и “справедливость” очень редко совместимы.
- Ты будешь писать о Сереже Каирове?
- Буду.
- А о Зауре?
- Обязательно. Ведь у них во многом общая судьба.
- Разве у Сережи кто-то остался в Югославии?
- Кого ты имеешь в виду?
- Женщину.
- Не знаю. Этого я не знаю. Он никогда ничего не говорил.

Папа каждый раз, по-моему, с удовольствием рассказывал мне его историю.

Сережа закончил первый курс исторического факультета Харьковского Университета. А папа – второй. Оба попросились добровольцами на фронт. Сережу послали на юг, в сторону Донбасса, а папу – на север, под Москву. 6 сентября 1941 года под Славянском лагерь новобранцев окружили немцы. И мальчики, не сделав ни одного выстрела, стали пленными. Их бросили в вагоны для скота, и повезли в сторону Греции. Сережа знал немецкий язык, поэтому понимал, о чем говорит охрана. На территории Албании, на какой-то технической остановке, среди кукурузного поля, он с другом попросился по нужде. Как только они прыгнули с поезда – тут же нырнули в кукурузу. Автоматы били нещадно. Но, слава богу, не достали. Поезд ушел дальше. Девятнадцатилетние мальчишки поняли, что прятаться в поле бесполезно и, выйдя опять на железнодорожное полотно, пошли по шпалам. На второй день их остановили немцы-рабочие, проверяющие железнодорожные пути. Привели в комендатуру. Они сказали, что отстали от поезда, не прятались. Их опять везли, но теперь в машине. Везли долго. Оказа-

лось, в Белград, там передали руководителям трудового лагеря. Каждый день за несъедобную похлебку из кукурузы они работали от зари до темноты, разгребая завалы разрушенных домов. Месяца через два познакомились с арестованными югославами. Вот они-то и помогли. Югославы нашли им одежду, дали адрес и назвали имя девушки, к которой следовало обратиться. Сказали, что в этот вечер не нужно выходить из завалов, а под утро уйти. Слушая историю ребят не первый раз, не перестаю удивляться: просто, как в кино. Но это правда.

В былые времена Сережа сам не раз рассказывал мне много подробностей. Рассказывал смешные истории, случавшиеся во время войны.

Так вот, два советских мальчишки, которые ничего не понимали из того, что говорят югославы, под утро пошли на указанную улицу в поисках адреса. Он так и говорил: мы ничего не понимали. Главное – не понимали, какую угрозу несли людям, которые должны были им помочь. По дороге, на одной из улиц в предраассветной мгле они увидели двух девочек, идущих за молоком. Никакой конспирации, никакой осторожности. Подошли, спросили, где находится нужный им дом, и не знают ли они некую девушку. Одна из них оказалась ею. Я Сереже не раз говорила: вас вело провидение. Через несколько дней их привезли на базар, где какой-то знакомый партизан продавал сено, за которое заломил несусветную цену. Его, конечно, не купили. Назад, в деревню, отправился с полной повозкой непроданного сена, в котором спрятались два советских мальчика. Так они оказались в отряде Иосипа Броз Тито. Там Сережа подружился с будущим руководителем Югославии, его женой Иованкой и еще со многими молодыми ребятами, которые потом, после войны, были в первом эшелоне руководителей этой страны.

Сказать честно, эта дружба ему “вышла боком”. Он привез документы, что всю войну боролся с фашизмом в партизанском отряде, в Югославии. Мало помогло. Ведь сначала был плен. А раз плен... Дальше логику “отца всех народов” знаем. Сережа долгие годы не мог закончить университет. Лагеря в Сибири для бывших военнопленных удалось избежать. Благодаря маме. Она сделала невозможное, но спасла сына.

С материнской любовью все понятно. А вот с любовью и благодарностью Родины-матери в лице ее руководителей... **Зачем?**

5

– Па, Заур часто бывает во Франции?

– По-моему, после смерти Франсуазы не был. А дочки уже не раз привозили к бабушке своих детей.

– Пусть далекое, но все-таки счастье.

Папино лицо погрузнело. Как только речь заходила о любви, счастье и войне, он вспоминал Ее. Чаще всего про себя. Очень редко – вслух. Маму это раздражало. А зря. Когда уважаешь чужие чувства, есть надежда, что будут уважать твои. Наверно, она этого не понимала.

Ему было 21, а Ей – 22. Он – Бержанский Леонид Семенович студент третьего курса исторического факультета Харьковского Университета, рядовой. Она – Скворцова Лидия Петровна, экстерном закончившая два последних курса Куйбышевского мединститута, врач.

Они встретились в госпитале г. Можайска под Москвой, куда привезли моего папу – раненого, обмороженного мальчика. Зима 1941 – 42 годов оказалась небывало морозной. Он говорил, что отмороженные пальцы ног и рук можно было без боли отламывать.

Папа много говорил о ней. Всю жизнь.

Давно известно, что, чем люди дальше, тем у них меньше повода для разочарования. Видимо, это был тот самый случай. Прошло столько лет, я уже не помню многое из прежде рассказанного. Ни как они познакомились, ни как развивались их отношения. Но помню главное: несмотря на войну, которой сопутствовал принцип “война все спишет” их отношения были нежны и чисты.

Передо мной письмо Лиды к папе и несколько его неотправленных писем.

П.п. 40390

27.12.42г.

Дорогой Леня!

После твоего отъезда счастье отвернулось от меня. Сегодня у меня новое “счастье”. Я назначена начальником сортировочного отделения. Сколько я пролила слез сегодня.

.....

Все скоро пройдет, и я буду прежней Лидой, какой ты знаешь меня.

Лень, меня начинает даже мучить, что я пишу тебе такие письма.

Сегодня иду в ночь работать, сейчас имею час свободный.

.....

Рябец умер, мне было очень тяжело, он стал мне такой родной. Ведь два месяца со дня поступления лежал он у меня.

Я сегодня получила твое письмо из дома, не скучай, дорогой, я постараюсь часто писать. Это у тебя первое время, а потом ты будешь более спокоен. У тебя будут новые впечатления, знакомства. Я тебе советую, Леня, со второй половины учебного года начать учиться. Конечно, если тебе позволяют материальные условия.

Жду с нетерпением твоего большого письма. Ты просишь писать тебе часто и много. Я пока исполняю.

**Ты теперь далеко, далеко,
Между нами снега и снега,
До тебя мне дойти нелегко...**

Пиши. Целую крепко. Лида.

Среди множества папиных записей, статей, докладов, черновики диссертации я, время от времени, нахожу его письма и дневники. Скорее, отрывки записей и дневников.

г. Можга 17.12.42г

.....

Три дня отделяют меня от этой девушки. Они позволили мне все взвесить, все оценить, все пережить снова (в воображении). Вернется ли опять прошедшее? К сожалению, нет. От этого делается настолько тяжело. Но стараюсь забыть, думать о чем-нибудь другом. Но о чем лучше можно думать? О чем таком можно еще думать, которое заполнило бы сердечную пустоту. Природа, оказывается, настолько бедна, что не может заполнить пустоту даже одного сердца. Оказывается, чувства доминируют над сознанием даже у такого высокоразвитого существа, как человек.

Лида! В этом коротком слове, в этом небольшом человеке заключено столько благородства, столько нежности, столько человечности, что я оказался пленником страстной любви к ней. Я влюбился в нее страстно и крепко. Самые чистые чувства я предложил ей. Интересно, что у нее ко мне: сожаление, уважение, или еще чего-то? Этот вопрос мучает меня. Кого я искал? Каков мой идеал? Я искал человека, который заключал бы в себе три качества: любимой девушки, друга, товарища. Я не согласен видеть перед собой только женщину в полном смысле этого слова. Этого невероятно мало. Этого больше, чем недостаточно.

Запись в дневнике обрывается.

Лидия Петровна Скворцова, 12.02.1943 г. “Лене в память нашей теплой крепкой дружбы. Вспоминай Лидочку и наши вечера. Лида.”

Л.С. Бержанский, 1942 г.

6

- Па, так что, дети не приглашают Заура в Париж?
- Не знаю.
- Может, после смерти Франсуазы ему тяжело туда возвращаться?

- Может.
- Он так и живет один?
- Нет. Живет с какой-то женщиной.
- Молодой?
- Ты что – смеешься?
- Чего?
- В его возрасте?
- Как раз в его возрасте и совершают такие глупости.
- Но не все же.
- Не все.
- Перестань. Я знаю, что женщина ему под возраст. По-моему, его коллега. И, по-моему, восточная женщина.
- То есть, с Кавказа?
- Да.
- А как она к его детям и внукам?
- Ты задаешь странный вопрос.
- Почему?
- Это же восточная женщина.
- Понятно. Значит, послушная.
- Значит: понимающая и уступающая.
- Бедные европейские женщины, – рассмеялась я, – восточные соперницы – бесконечный упрек вам.
- Ну, хватит, перестань. Скажи лучше, когда звонить Зауру?
- Может, я сама ему позвоню?
- Не лишай меня возможности пообщаться с ним.
- Извини, не подумала. Па, совсем забыла. А что тебе привезти из Парижа?
- Себя.
- А серьезней?
- Господи, ну, подумай, что мне нужно.
- Я знаю, что тебе понравится.
- Интересно.
- Мужской берет. Ты у меня как француз: весной и осенью носишь берет.
- Перестань. Это дорого.
- Откуда ты знаешь?
- Просто так думаю.
- Па, Франсуаза похоронена на одном из кладбищ Парижа?
- Нет. Где-то за городом.
- Потому что дорого?
- Наверно. Не уточнял.
- А фотографию памятника Заур показывал?
- Да. Он сам все придумал и оплатил.
- Так чего же он не ездит к ней на могилу?
- Думаю, до сих пор тяжело.
- Прошло столько лет. Жизнь.
- Поэтому и тяжело, что так прошла жизнь.
- Как ты думаешь, стоит предложить Мадлен и Саре поехать на кладбище к Франсуазе и отнести ей от всех нас цветы?
- Я думаю, стоит. Но посоветуйся лучше с Зауром.

7

Все, что связано с Зауром, где-то глубоко-глубоко, далеко-далеко тянулось к событиям той войны. У него была разрушена семья. У папы – первая и главная в жизни любовь.

Что надеются создать в результате войны те, кто ее начинает? Ведь она все рушит. Все, все, все.

Когда-то, после очередного документального фильма, показанного по телевизору, у нас произошел горький-горький разговор.

– Я понимаю, что война – это борьба за деньги. Но кто мне ответит: сколько стоила моя жизнь? Есть ли разница в стоимости жизни русского и немца?

Папа помолчал, а потом добавил:

– Когда же люди поймут, что у денег самая низкая в жизни цена.

– Дело, па, разве только в войне? Посмотри, как последние сто лет в нашей стране обесценена жизнь и государством и самими людьми. А тут еще и война.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.